

Глава первая. СНОВА В РОССИИ

“ Вопрос не в том, как избежать революции, — ее не избежать, — а в том, как достичь наибольших результатов с наименьшим числом жертв...

П. А. Кропоткин, 1902

Возвращение

“ Русская революция... не есть лишь случайное последствие борьбы партий. Она была подготовлена почти столетием коммунистической и социалистической пропаганды, начиная с Оуэна, Сен-Симона и Фурье.

П. А. Кропоткин, 1919

Начиная с 23 февраля 1917 года в Петрограде непрерывно проводились забастовки, по улицам шли манифестации, на заводах — митинги. Все это сопровождалось столкновениями с полицией. 26 февраля председатель Государственной думы М. В. Родзянко телеграфировал царю: «В столице — анархия». А раз снова возникло это слово-жупел, значит, дела у власти действительно плохи: пахнет революцией. Обычное дело: прежде всего надо напугать обывателя анархией.

На следующий день рабочие и солдаты почти полностью овладели городом, захватили правительственные учреждения, Петропавловскую крепость, освободив политических заключенных, и Зимний дворец. 2 (15) марта Николай II подписал на станции Дно близ Новгорода отречение от престола. Было сформировано Временное правительство во главе с председателем Всероссийского земского и городского союза князем Г. Е. Львовым.

Наконец в России свергнута монархия. Впервые за тысячелетие страна осталась без царя. Общественный комитет Государственной Думы опубликовал программу, первый пункт которой гласит: «Полная и немедленная амнистия по всем делам: политическим и религиозным...» Далее говорится о свободе слова, отмене всех сословных ограничений и о немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания, проведении выборов в органы местного самоуправления...

Кропоткин уже не числится в «государственных преступниках». Он может вернуться на родину, которую не видел больше сорока лет. Перед отъездом из Англии Петр Алексеевич направил в лондонские газеты письмо, в котором поблагодарил за гостеприимство, за предоставленную возможность жить и работать, за доброжелательную атмосферу, которая окружала его в этой стране с первых дней, как только он причалил к ее берегам. Был он тогда никому не известным иностранцем с чужим паспортом, а теперь оставлял на берегах Альбиона очень много друзей. «Я вас благодарю за более чем братский прием», — писал он.

С Англией была связана едва ли не половина его жизни. Большая часть его книг и статей написана здесь — в Харроу, Бромли, Брайтоне, в библиотеках Королевского географического общества и Британского музея, которую он особенно любил, в гостиницах Манчестера, Бирмингема, Дарема, Глазго, Эдинбурга, в которых он останавливался во время своих поездок по стране с лекциями и докладами.

В Англии он написал лучшее свое историческое произведение — «Великая Французская революция» — и издал свои «Записки революционера». Здесь завершилась разработка его биосоциологической теории: опубликована большая серия статей о проявлениях взаимопомощи среди животных и людей в различные исторические эпохи и в современном мире, издана в английском варианте книга «Взаимная помощь как фактор эволюции». Здесь он был признан как ученый энциклопедического склада и стал постоянным автором статей в «Британской энциклопедии» и других подобных изданиях. Эта его работа высоко ценилась. И уже через много лет, в издании 1976 года, можно было прочитать в посвященной ему статье в XIII томе «Британники»: «Он был авторитетом в области сельского хозяйства в такой же степени, как и в вопросах географии, и пользовался большой любовью и уважением в Англии». В шотландской энциклопедии Чемберса из года в год в статье о П. А. Кропоткине в томе восьмом, изданном в 1950 году, перепечатывалась такая его оценка: «Кропоткин сочетал широкую образованность с необычайной добротой, обаянием, и в то же время страстностью, когда речь шла о социальном освобождении и справедливости. Его многочисленные книги особенно интересны как продукт русского гуманизма».

В Англии родились его дочь Александра, а потом и внучка Пьера, названная в честь деда. Ее решили пока не везти в Россию, а оставить в семье одного из английских друзей — Христиана Корнелисона. В 1944 году внучке Кропоткина суждено будет погибнуть во время одного из налетов немецкой авиации на Лондон.

Хотя Петр Алексеевич и говорил, что пребывание в Англии он рассматривает как ссылку (пусть добровольную) после французского заточения, но, несомненно, страна эта стала ему очень близка. Он отмечал успехи английской демократии, достигнутые даже при королевской власти и господстве буржуазии. Возвратясь в Россию, он организует там Общество сближения с Англией, призванное налаживать контакты между странами, прежде всего научные и культурные.

Дочь с мужем Борисом Лебедевым и Софья Григорьевна уехали раньше, а Кропоткин возвращался тем же путем, каким 41 год назад прибыл в Англию. Из шотландского порта Абердин пароход доставил его в норвежский порт Берген, откуда на поезде через заснеженные горы он прибыл в Христианию, а дальше — Стокгольм, Финляндия...

В те дни в датском журнале «Tilskueren» («Зеркало») появилась статья уже упомянутого литературоведа Георга Брандеса под названием «Размышления о революции», посвященная возвращающимся в Россию беженцам и политэмигрантам, в основном П. А. Кропоткину. Для Брандеса, как и для многих других на Западе, он был символом этой грядущей в России революции, подобной тем, что уже давно отбушевали не только во Франции, но и во всех европейских странах: от Нидерландов и Англии до Италии и Испании. Их называли буржуазными, но, как говорил Кропоткин, социальные моменты в них были всегда. Такая революция должна была произойти в задержавшейся в своем развитии России. Ее все ждали.

«Среди русских беженцев, чье возвращение в Россию будут всячески приветствовать с русской стороны до тех пор, пока свирепствует подводная война, но которого, когда он приедет, будут встречать не только с почтением, но и с энтузиазмом, есть один. Этот человек — Петр Кропоткин». Так начал свои размышления Брандес. Дальше он продолжал: «Со смерти Толстого в России не было более великого человека, да и при жизни Толстого Россия не имела более благородного человека, чем Кропоткин. Никто не пожертвовал для дела свободы больше, чем он. Никто не имел такого широкого образования, и никто с большей смелостью не выражал своих мыслей, которые многими не разделялись или не разделяются». Брандес вспомнил русских студентов, которым он читал лекции в 1902–1903 годах в Париже: «Мне не кажется, что у него много сторонников среди русской молодежи... Они преклоняются перед Марксом, и Кропоткин едва ли производил на них глубокое впечатление. Но его время еще придет... Мы уже можем обнаружить влияние Кропоткина на русскую революцию в том, что она с усердием выступала за восстановление, а не жаждала мести... (имеется в виду Февральская революция 1917 года. — В. М.). То, что революция вообще произошла, хорошо соответствовало учению Кропоткина. Никто яснее и с большим усердием не боролся против представления о том, что всякий прогресс должен происходить путем небольших, почти незаметных перемен изо дня в день, против теории эволюции, перенесенной из мира растений в человеческую жизнь... Но революция в природе так же закономерна, как и эволюция. Мы все развиваемся постепенно, но духовная жизнь каждого человека имеет свои революционные периоды. Ведь в природе незаметно изменяются климат и биологические виды, но в их изменении происходят внезапные революции. То же самое касается и общества. В природе Кропоткин всегда вновь находит свой анархизм».

Завершается статья Брандеса так: «Едва ли найдется лучший противовес тем учениям, которые восхваляют выравнивание и обращение в пыль, чем это учение, так что было бы желательно не только скорое возвращение Кропоткина в Россию... но и осознание русскими революционерами того, что в нем они имеют мыслителя, который глубже, радикальнее, плодотворнее Маркса, у которого Европа научилась всему, что было можно»[82].

Либералы Европы и России в начале XX века воспринимали Кропоткина не как экстремиста. Может быть, одним из первых разобрался в кажущихся противоречиях взглядов князя-анархиста один из лидеров партии конституционных демократов (кадетов) Павел Милюков. Он приезжал к Кропоткину в Брайтон 10 февраля 1904 года, когда в Англию пришли телеграммы о нападении Японии на Порт-Артур, с которого началась Русско-японская война, предсказанная Кропоткиным. Милюков тогда понял, что в отличие от социал-демократов, готовых немедленно приступить к осуществлению своих революционных экспериментов,

Кропоткин отодвигает свой анархический идеал в такую бесконечную даль, что между ним и его осуществлением образуется громадный промежуток, «в котором оставалось место и для самых смелых исторических конструкций — в будущем, и для житейского компромисса — в настоящем»[83].

Статьей Георга Брандеса либеральная интеллигенция Европы, исключительно хорошо относившаяся к этому необычному анархисту, как бы проводила его на родину, так давно им покинутую. Теперь ему предстояла встреча с соотечественниками.

«Серебряный князь революции»

“ Я всецело в распоряжении родины. Я стар, но работать хочу и по мере моих сил работать буду...

П. А. Кропоткин, 1917

И в Европе, и в России Кропоткина относили к числу старейших русских революционеров. Еще в Англии в одном из интервью он сказал: «В совершившемся у нас перевороте нет ничего случайного. Его первыми предвестниками были декабристы девяносто лет тому назад... Революция у нас в России развивается целое столетие и возврат к прежнему... безусловно невозможен».

Он снова проезжает через Скандинавские страны, к которым у него давняя симпатия — все-таки это родина его далекого предка Рюрика и главный центр великого оледенения, изучением следов которого он с увлечением занимался. Под охраной двух миноносцев (ведь шла война) британский пароход «Юпитер» прибыл в Берген. Из Бергена через тоннели и заснеженные перевалы пересеченных железной дорогой Скандинавских гор поезд доставил его в Христианию. Оттуда он отправил телеграмму в Стокгольм лидеру социал-демократической партии Швеции Яльмару Брантингу. В шведской столице, принимавшей в 1864 году предшественника Кропоткина Михаила Бакунина, его очень тепло встретили — там анархистов такого масштаба не боялись. Состоялась короткая дружеская беседа с Брантингом и его коллегами, освещенная шведской печатью, речь в которой шла главным образом о положении в России. И Кропоткин отправился дальше на восток, вспоминая, как он вышагивал когда-то, осматривая карьеры, по шпалам еще только строившейся железной дороги из Гельсингфорса в Санкт-Петербург.

Именно тогда им было принято решение, круто изменившее всю жизнь, но благодаря которому его так торжественно готовятся встретить в столице. О его предстоящем приезде пишут все газеты; уже опубликовано его открытое обращение к русскому обществу, в котором говорилось: «Трудно выразить словами чувства, переживаемые нами при возвращении на родину после долгих лет изгнания. Еще труднее выразить счастье возвращения в обновленную, свободную Россию, — не по милости монарха, а по воле русского народа...»

Поезд с большим опозданием прибыл на пограничную станцию Белоостров. Во время недолгой стоянки Кропоткин обращается с речью к собравшимся на перроне, стоя в дверях вагона. В ту же ночь, в 2 часа 30 минут 14 июля, он вместе с другими приехавшими был уже на Финляндском вокзале Петербурга. Офицеры Семеновского полка, взявшись за руки, образовали ограждение вокруг приехавших, провели их на привокзальную площадь. Площадь заполняла огромная толпа (газеты писали, что пришло 60 тысяч человек), оркестр играл «Марсельезу», ставшую теперь гимном новой России.

Встретить Кропоткина пришли министры Временного правительства, среди них — будущий его председатель А. Ф. Керенский. С ним Кропоткин не был знаком, но волею судеб адвокату Керенскому, возглавлявшему комиссию по расследованию обстоятельств Ленского расстрела в 1912 году, довелось побывать в тех местах, откуда началась Олёкминско-Витимская экспедиция Кропоткина. Пришел также старый друг Петра Алексеевича Николай Чайковский, уже несколько лет живший в России и занимавшийся организацией кооперативного движения, избранный председателем старейшего в России независимого от государства Вольного экономического общества.

На другой день после встречи Петр Алексеевич писал в дневнике: «Приехал в Петроград 1/14 июня в 2 ч. ночи. Толпа в 60 000. Саша, племянницы Поливановы... Катя приехала уже в Белоостров. Почетный караул от семеновцев. Так и не добрался до него... Когда я вышел, меня безусловно чуть не раздавили. Саша едва упростила оркестр семеновцев замолчать... Офицеры хотели нести меня на руках. Я отказался. Соню чуть не растоптали. Тогда 8 офицеров... схватясь руками, окружили меня кольцом... с невероятными усилиями пробивались сквозь колышущуюся толпу. Пробились не к караулу, а к зале, где меня ждали Керенский и несколько других министров и Н. В. Чайковский. Приветственные речи. Коротко ответил. В 3 часа ночи добрались до автомобиля». А вот что писала в мемуарах уже упоминавшаяся племянница Кропоткина Екатерина Половцева: «Стояли белые петербургские ночи. При слабом свете утра выстроились шпалерами войска с знаменами и плакатами... В 1 ч. ночи дрожащим от волнения голосом П. А. благодарил за оказываемую ему встречу, стоя на ступени вагона. От Белоострова до Петрограда купе 2 класса было переполнено репортерами и друзьями, теребившими Петра Алексеевича. В Петроград поезд пришел в 2 ч. 30 м. утра... На дебаркадере были... министры, дамы, подносившие П. А. цветы, анархические черные знамена, а на площади стояла многотысячная толпа».

В Петрограде Половцева первое время исполняла обязанности секретаря Петра Алексеевича. «К нам ездила масса людей, — вспоминала она. — Мое дело было у телефона. Я принимала все записи, и через меня с посетителями велись разговоры о часах свиданий. Ездили люди всевозможных сортов. Здесь перебивали и бабушка Бр[ешко]-Бр[еш-ковская], и Керенский, и Савинков, и др[угие], министры и т. д.». Петр Алексеевич поселился в квартире дочери Александры на Рыночной улице. Сразу же его начали осаждать репортеры, одному из которых он сказал: «Я всецело в распоряжении родины. Я стар, но работать хочу и по мере моих сил работать буду...»

В газетах Кропоткина называли то «серебряным князем», то «дедушкой русской революции» (его давняя знакомая Екатерина Брешко-Брешковская, соответственно, была «бабушкой»). Популярный журнал «Нива» поместил его портрет на обложке с такой подписью:

«Старейший из мучеников русской революции. Более половины жизни истинный борец за свободу провел в изгнании. Теперь, спустя сорок лет после своего бегства из заключения, П. А. Кропоткин вернулся на родину, чтобы стать в ряды созидателей новой жизни России».

Возвращение Кропоткина в Россию сопровождалось целым вихрем публикаций его работ. В одном только 1917 году их напечатано более шестидесяти. Выходили они в разных городах России (в Москве, Харькове, Кронштадте, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Одессе, Петрограде, Иркутске, Ташкенте, Красноярске, Киеве, Елизаветграде). В основном печатались переводы на русский его старых статей и книг, которые прежде не появлялись в России. Многие из них вышли под редакцией автора, с вновь написанными предисловиями и примечаниями. Но было и несколько новых — например, брошюра «Анархия и ее место в социалистической эволюции», впервые напечатанная в 1917 году частной типографией в Дмитрове, а также «Что такое анархия?», «Идеал в революции», «Аграрный вопрос», «Политические права», ряд статей в «Вестнике общества сближения с Англией»...

Он участвует в митингах рабочих, матросов, офицеров, учителей. Первое выступление — перед уходящими на фронт выпускниками Академии Генерального штаба. Оно посвящено необходимости ведения войны до победного конца. Кропоткину казалось чрезвычайно важным не допустить распространения в народе очень опасной «психологии побежденной страны». Об этой опасности он предупреждал еще в своих «письмах о текущих событиях». Свершившаяся революция обострила положение. Ведь так же было и во время Великой революции во Франции: страна терпела поражение все от тех же немцев, и на гребне революции к власти пришел незаметный поначалу корсиканец Наполеон Бонапарт. Предотвратить назревавшую в России гражданскую войну можно было, по мнению Кропоткина, лишь сосредоточив все силы в борьбе с внешним врагом, оккупировавшим часть территории страны. Путь к освобождению не может быть проложен через болото национального унижения, вызванного подчинением военной силе. Интуитивно он чувствовал, что ослабление отпора внешнему насилию компенсируется усилением насилия внутри страны.

Спасаясь от осаждавших его репортеров, Кропоткин с женой и дочерью переехал в особняк на Каменном острове, предоставленный в его распоряжение голландским послом. В этот дом пришло однажды письмо от Керенского: перед отъездом на фронт ему хотелось бы встретиться с Петром Алексеевичем. Сохранился ответ на письмо, написанный на обороте визитной карточки министра-председателя: «Глубоко сожалею, многоуважаемый Александр Федорович, что не могу приехать позвать Вам руку. Когда Вы вернетесь, непременно приду к вам».

По возвращении Керенский сам заехал к Кропоткину и предложил ему войти в правительство, вплоть до того, чтобы занять пост его председателя. Кропоткин решительно отказывается: анархист не может входить в правительство. Утверждалось даже (точных свидетельств не сохранилось), что он сопроводил свой отказ словами: «Считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным, чем должность министра». Тогда лидер демократической России предложил ему поехать послом в Англию, так хорошо ему знакомую. Но и от этого предложения Кропоткин отказался. Как и от предоставленного в его распоряжение для поездок на митинги личного автомобиля Керенского. При этом он

сказал, обращаясь к дочери: «Нет, уж мы лучше на извозчике...»[84].

Александра Кропоткина в те годы была довольно хорошо известна в культурных кругах Петрограда. А. А. Блок посвятил ей, «рюриковне», шутивное стихотворение, записав его на одной из страниц семейного альбома К. И. Чуковского. Позже она занималась переводами, а после смерти отца уехала в Англию, где вышла замуж за известного журналиста Лоримера Хаммонда. Умерла Александра Петровна в 1966 году в Нью-Йорке. А в 1917-м она входила в состав норвежско-российской группы по организации помощи военнопленным и выдачи им «нансеновских паспортов». Ее отец сочувствовал этой инициативе знаменитого норвежца Фритъофа Нансена, героической экспедиции которого в Арктике посвятил статью в журнале «Nature».

Любопытно, что Нансену, сыгравшему большую роль в своеобразной норвежской революции, в результате которой страна разорвала унию со Швецией и стала независимой, предложили стать королем Норвегии, но он отказался, сказав: «Власть — не мое дело». Но, в отличие от Кропоткина, в Англию послом поехал — для молодого государства очень важно было наладить контакты со странами Запада. Да, оба они были совершенно неповторимыми, уникальными личностями. И все же их объединяло то, что оба были великими гуманистами. Нансен, будучи прославленным ученым и путешественником, на время оставил науку, почувствовав необходимость отдать все силы служению обществу, решению его проблем. После Первой мировой войны он стал известен миру не только своими героическими полярными походами и научными трудами, но и «нансеновскими паспортами» для военнопленных и беженцев, а также борьбой за оказание помощи голодающим в Советской России, куда он, первый лауреат Нобелевской премии мира, неоднократно приезжал. Кропоткин и Нансен встречались в Эдинбурге, где их познакомил шотландский географ Патрик Геддес.

Российская революция развивалась одновременно «сверху» и «снизу», в стране сложилось двоевластие. С одной стороны — коалиционное Временное правительство, считавшее своей задачей созыв Учредительного собрания, с другой — Советы, руководимые эсерами и эсдеками (меньшевиками); быстро укрепляла влияние в обществе и третья сила — большевистская часть РСДРП во главе с Лениным и Троцким. От нее-то и исходила угроза гражданской войны. Еще в апреле началось формирование вооруженных отрядов Красной гвардии, к июню 1917 года объединявших более десяти тысяч человек. Готовился насильственный захват власти.

Советы призвали к разоружению этих отрядов, но большевики не подчинились и 4 (17) июля организовали в Петрограде и некоторых других городах вооруженные демонстрации под лозунгами «Долой министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!». Произошли столкновения с правительственными войсками, в результате которых было убито более пятидесяти человек. Последовал очередной кризис в правительстве: из него ушли правые, прежде всего кадеты. Временное правительство возглавил Керенский, и оно приняло на себя чрезвычайные полномочия как единственный правитель страны. Двоевластие было устранено. Были приняты и другие меры: запрещена Красная гвардия, арестованы некоторые большевики, Ленин привлечен к суду как немецкий шпион, укреплена дисциплина в армии, для заготовок хлеба отправлены комиссары в деревню... Но, несмотря

на это, дела в стране шли все хуже. Социальные преобразования, даже обещанная эсерами крестьянская реформа, откладывались на неопределенное время. Страна продолжала катиться к гражданской войне, к экономическому и политическому краху.

На Государственном совещании

“ ...Дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и советов...

Мы не будем больше делиться на левую часть этого театра и правую. Ведь у нас одна родина.

П. А. Кропоткин, 1917

В августе 1917 года была предпринята последняя попытка собрать все силы общества и объединить их вокруг правительства Керенского. На 14 августа в Москве, в Большом театре, было назначено Государственное совещание. Все ярусы театра заполнили персонально приглашенные участники. Приглашение получили представители всех слоев и групп российского общества, следуя девизу Гумбольдта, любимому Кропоткиным: «Единство в разнообразии». Даже большевики были приглашены на совещание, но участвовать в нем отказались, больше озабоченные в то время завоеванием большинства в Советах, которые уходили из рук меньшевиков и эсеров. Снятый после неудачной июльской попытки захвата власти лозунг «Вся власть Советам!» снова восстановлен.

Анархист Кропоткин был приглашен на совещание в составе «группы русской истории», образованной из оставшихся в живых первых народников, зачинателей революции, в конце концов победившей в России. Вместе с ним в эту группу вошла Екатерина Брешко-Брешковская, судившаяся на «процессе 193-х» и находившаяся на каторге и в ссылке почти те же 40 лет, что Петр Алексеевич прожил в эмиграции. Они с Кропоткиным — старейшие в «группе истории». Немногим моложе их Николай Морозов, Вера Фигнер, Николай Чайковский, Георгий Плеханов, Герман Лопатин.

Специальную группу составили представители от высших учебных заведений — три академика: знаменитый психиатр Владимир Бехтерев, биолог Михаил Мензбир, историк Евгений Тарле. От научных учреждений и обществ присутствовали географ Дмитрий Анучин, химик Иван Каблуков, ботаник и географ Владимир Комаров, океанолог Юлий Шокальский. Художник Леонтий Бенуа представлял Академию художеств. Но основную массу приглашенных составили промышленники, купцы, банкиры, офицеры и генералы из действующей армии. Они тоже поддерживали революцию, свергнувшую самодержавие. На вечернем заседании 14 августа выступил самый знаменитый русский банкир Павел Рябушинский. Он сказал: «Торгово-промышленный мир приветствовал свержение презренной царской власти и никакого возврата к прошлому, конечно, быть не может...»

Возврата быть не может — тут большинство собравшихся согласно. Но куда же идти? Очень многие видели спасение в диктатуре, которая противостояла бы стихийности народного

движения, как всегда именуемой страшным словом «анархия». Когда председательствующий Керенский обратился к верховному главнокомандующему Лавру Корнилову: «Ваше слово, генерал!» — зал встал, аплодируя. В левом же секторе продолжали сидеть. Справа слышались возмущенные крики: «Хамы! Встаньте!» Правые уже сейчас требовали покорности будущему диктатору. Слева в ответ летело: «Холопы!» Наконец все затихли. Генерал Корнилов произнес речь, в которой заверил, что с анархией в армии ведется беспощадная борьба, и она будет подавлена, что необходимо поднять престиж офицеров и принять решительные меры...

Этот красивый стройный генерал недолго будет скрывать свои планы: уже через неделю он двинет на Петроград войска под знаменем, на котором красуется эмблема смерти: череп с костями. Но Корнилову не удастся захватить власть, и он войдет в русскую историю как несостоявшийся диктатор. В борьбе с корниловщиной на короткое время объединятся все социалистические партии, и мятеж будет подавлен. Но консолидация сил, ради которой и было созвано Государственное совещание, сохранилась недолго.

Второй день Государственного совещания был отдан выступлениям «левых». От «группы истории» первое слово предоставлено Е. Брешко-Брешковской, «бабушке революции». Она говорила о необходимости защитить родину от наступающих германских армий, продолжив войну, но как социалистка просила правительство обратить самое энергичное, самое строгое внимание на внутренних врагов России — капиталистов и торговцев.

Речь выступившего вслед за ней вроде бы еще более «левого» революционера (куда уж дальше — анархиста!) Кропоткина удивила своей умеренностью. «Граждане и товарищи! — начал он. — Позвольте и мне тоже присоединить мой голос к тем голосам, которые звали весь русский народ... стать дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции... Родина сделала революцию, она должна ее довести до конца... Если бы немцы победили, последствия этого для нас были бы так ужасны, что просто даже больно говорить о них... Продолжать войну — одно великое предстоящее нам дело, а другое, одинаково важное дело — это работа в тылу. Репрессивными мерами тут ничего не сделаешь... Нужно, чтобы русский народ во всей своей массе понял и увидел, что наступает новая эра... Разруха у нас ужасная. Но знаете, господа, что и в Западной Европе наступает новый период, когда все начинают понимать, что нужно строительство новой жизни на новых, социалистических началах...»

Справа зашумели — трудно поверить в эти «начала», особенно сейчас.

«Да, да, — как бы согласился Кропоткин. — Мы все неопытны в деле общественного строительства... Мы многое не знаем, многому еще должны учиться. Но, господа, у вас есть... — оратор обратился к сидящим справа, — я не говорю про ваши капиталы — у вас есть то, что важнее капитала — знание жизни. Вы знаете жизнь, вы знаете торговлю, вы знаете производство и обмен. Так умоляю вас, дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и советов, соедините и то, и другое и приложите их к строительству новой жизни...»

Призвав присутствующих сделать все возможное, чтобы «уменьшить размеры назревающей братоубийственной гражданской войны», Кропоткин обратился к собравшимся с такими словами: «Мне кажется, нам в этом Собрании русской земли следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой... При этом, граждане, республикой федеративной!.. Пообещаем же, наконец, друг другу, что мы не будем более делиться на левую часть этого театра и на правую. Ведь у нас одна родина»[85].

Возгласы «браво!» и буря оваций были ответом зала на речь Кропоткина.

К тем, кто призывал довести войну до конца, до победы, присоединился и выступивший вслед за Кропоткиным Георгий Плеханов, полагавший, что только отношение к войне может объединить все силы общества. Под бурную овацию всего зала и крики «Да здравствует революция!», «Да здравствует Керенский!» совещание закрылось уже глубокой ночью. Возможно, восхваления Керенского не понравились тогда Кропоткину, относившемуся отрицательно к попыткам возвеличивать отдельную личность, и он подумал, что дальнейшее развитие революции должно выдвинуть других людей.

Очередной кризис внутри правительства в сентябре снова привел к смене министров. На сей раз новый состав кабинета назвали «правительством спасения революции», а его председателя Керенского наделили чрезвычайными полномочиями. При этом предполагалось продолжить развитие демократии, и Кропоткина не оставляла мысль, что на вершине власти происходит не совсем естественный процесс: демократию пытаются совместить с диктатурой, в то время как основные массы народа в систему власти никак не вовлечены. Революция опять, как во времена Александра II, идет «сверху».

Наконец были назначены выборы в Учредительное собрание, создан Временный совет республики (Предпарламент) под председательством эсера Николая Авксентьева. В состав совета вошли Николай Чайковский и Марк Натансон, тот самый, с которым Кропоткин отправился в эмиграцию в 1876 году. Оба — из старшего поколения революционеров, из тех, кто начал в России дело революционной пропаганды. То, что они возглавили победившую революцию, было естественно. Но настораживало, что в газетах все чаще мелькали призывы к твердой и сильной власти большевиков, популярность которых очень быстро росла среди рабочих и солдат.

Но то, что 25 октября (7 ноября) власть в Петрограде перешла к Военно-революционному комитету Петроградского Совета, сформированному в основном из большевиков, для многих оказалось неожиданностью. Этот комитет арестовал правительство Керенского, кроме его самого, и создал временное рабоче-крестьянское правительство, до созыва Учредительного собрания оно объявило себя органом власти. Собравшийся на следующий день после переворота Съезд Советов утвердил первые декреты новой власти, которая стала называться советской. Так, почти незаметно, произошел в России государственный переворот, названный в целях пропаганды Великой Октябрьской социалистической революцией. Это была большая ложь, положенная в основание «государства нового типа», в котором, как показало время, нового-то ничего и не было.

Революция или реакция?

“ Будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса, он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти.

П. А. Кропоткин, 1891

В декабре 1917 года революционная волна из Петрограда достигла Москвы. К тому времени Кропоткин жил на Большой Никитской, 44, в самом центре города, и был свидетелем революционных событий. Московскому Военно-революционному комитету не удалось сразу овладеть положением. Серьезное сопротивление большевикам оказали верные Временному правительству воспитанники военных юнкерских училищ. Юнкерам удалось захватить Кремль, но красногвардейцы, используя тяжелую артиллерию, после нескольких дней боев заставили все же противника сложить оружие. Друг Кропоткина Александр Атабемян вспоминал, что, услышав начавшийся артиллерийский обстрел Кремля, Петр Алексеевич воскликнул: «Это хоронят русскую революцию!»

Но вот из Петрограда пришли первые декреты новой власти: «Декрет о мире», «Декрет о земле»... В этих декларациях большевиков Кропоткин обнаружил близкие ему идеи: земля передавалась крестьянам, заводы и фабрики — рабочим, власть — Советам, то есть, как он понимал, местным органам самоуправления народа. В период между июлем и октябрём 1917 года анархисты были ближайшими союзниками большевиков. Они приняли участие в вооруженном выступлении 25 октября в Петрограде, двое их представителей входили в состав Военно-революционного комитета, бывшего штабом восстания, но когда образовалось советское правительство, обнаружили расхождения во взглядах. Многие в программе этого правительства соответствовало анархистскому идеалу Кропоткина, однако он всегда считал, что, стремясь к осуществлению высокого общественного идеала народовластия, нельзя от него отступать, опасаясь того, что народ еще не готов взять власть в свои руки. Нельзя, дав народу свободу, тут же ее отнимать.

Беспокойство Кропоткина было вполне понятно: при отчетливой тенденции к концентрации новой власти в центре партия, обладавшая этой властью, не желала ее ни с кем делить, а главное, опасалась отдать ее народу, в то время как революция должна стать делом всенародным, бесклассовым. Только тогда она достигнет благородной цели, приблизит идеал, а не превратится в свою противоположность.

В газетах и речах ораторов на митингах словосочетания «диктатура пролетариата», «революционный террор» употреблялись тогда особенно часто. И вот появляется статья Кропоткина «Революционная идея в эволюции», впервые опубликованная в 1891 году, где можно было прочитать: «Каждый революционер мечтает о диктатуре... о революции, как о возможности легального уничтожения своих врагов... о завоевании власти, о создании всеильного, всемогущего и всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода

чиновников... Якобинская традиция давит нас... будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса, он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти...»

Кропоткин внимательно следил за ходом событий, и далеко не все вызывало у него одобрение. Первые два месяца после Октябрьской революции прошли относительно спокойно. Наступил 1918 год. Первое важнейшее его событие — созыв по постановлению советского правительства Учредительного собрания, вопрос о необходимости которого для установления формы правления и выработки конституции был еще в 1903 году включен в программу Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). После Февральской революции практически все партии — от кадетов до большевиков — выступали за выборы в Учредительное собрание. Озабоченное проблемой укрепления собственной власти Временное правительство откладывало выборы, назначив их, наконец, на 12 (25) ноября 1917 года. Они состоялись уже при новом правительстве. Кропоткин отказался от сделанного ему предложения баллотироваться в депутаты. Он не верил в возможности парламента и надеялся на то, что снизу начнется движение за создание местного самоуправления, которое и возьмет в свои руки продолжение революционного процесса. Но развитие событий пошло по другому пути.

Результаты выборов, впервые проведенных в России на основе прямого, равного и тайного голосования, оказались неблагоприятными для партии большевиков. Крестьянство отдало свои голоса эсерам, которые получили наибольшее число мест в Учредительном собрании. Большевики овладели лишь четвертью депутатских мест. Речь могла бы идти о формировании коалиционного правительства. Вечером 5(18) января 1918 года Учредительное собрание открылось в Петрограде, в Таврическом дворце. Председателем был избран эсер-центрист Виктор Чернов. Он выступил с речью и призвал все социалистические партии к консолидации в строительстве демократической республики. Но уже утром власть Советов распустила не поддерживавшее ее Учредительное собрание. Отряд красногвардейцев вынудил депутатов покинуть зал. На следующий день в Петрограде и Москве прошли организованные эсерами демонстрации в защиту демократии и Учредительного собрания, при разгоне которых были жертвы.

Становилось ясно, что расколотившее враждой общество стремительно катится к гражданской войне. Советское правительство не получило всеобщей поддержки и сохранить власть оно могло только с помощью насилия и террора. Приняв «Декрет о мире», правительство приступило к сепаратным переговорам с Германией и ее союзниками. 3 марта 1918 года в Бресте был заключен мирный договор, по которому Германия получила возможность оккупировать Прибалтику, Белоруссию, а также Украину, объявленную независимой от России. Условия мира были грабительскими, но советское правительство получило мирную передышку, позволившую обратить внимание на внутренние проблемы. А к осени оправдался расчет на революцию в Германии, и 13 ноября Брестский договор был аннулирован.

К этому времени война внутри страны приняла грандиозные размеры. В борьбе с советской властью объединились как крайне правые силы, среди которых были и монархисты, так и левые, где наиболее активными были эсеры. В марте 1918 года на Лондонской конференции

представители стран Антанты и США приняли решение перейти к открытой интервенции против Советской России. Вскоре был высажен англо-американский десант в Мурманске, летом оккупирован Архангельск. Во главе марионеточного правительства Северной области оказался старый друг Кропоткина Николай Чайковский. Человек, с именем которого связано название кружка первых народников, превратившегося в большое общество социалистической пропаганды, оставался на позициях умеренного демократического социализма. Но он не был ни контрреволюционером, ни «агентом империализма», как его представляли в официальных исторических изданиях в нашей стране.

Кропоткин хорошо знал Чайковского и особенно сблизился с ним в пору их совместной эмигрантской жизни в Англии. Чайковский вернулся в Россию еще в 1910 году. Очень теплое письмо прислал он Кропоткину к семидесятилетию: «Милый Петр! Старость, как и юность, имеет свою зарю. И ничего я так не желаю тебе, как провести остаток твоей блестящей жизни вблизи к обновленной, глубоко изменившейся родине. Могу по собственному опыту сказать тебе, что она полна кипучей творческой жизни, к сожалению, все еще прикрытой топкой коркой паутины и искусственной спячки...»

Пожелание исполнилось. Оба они в России, но события в ней повернулись так, что разбросали старых друзей по разные стороны линии фронта Гражданской войны. После разгона Учредительного собрания Чайковский входил то в одно, то в другое оппозиционное правительство, пока не стал председателем архангельского Верховного управления Северной области, поддержанного англо-американскими интервентами. Потом на процессе по делу социалистов-революционеров в июне 1922 года он был заочно приговорен к расстрелу, которого избежал, снова эмигрировав в Англию. Там он и умер через пять лет после смерти Петра Алексеевича.

Те, кто знал Кропоткина на Западе в годы его эмиграции, были уверены, что он не мог не оказаться в оппозиции к большевикам, а потому наверняка является «заложником Советов» или даже подвергнут репрессиям. Распространился слух о его аресте; в ряде городов Англии и Скандинавских стран прошли митинги протеста. Когда Кропоткин узнал об этом, он опубликовал в мае 1918 года открытое письмо, в котором просил не верить ложным измышлениям. Да, многое в революции не устраивало его, но он всячески избегал разрыва с большевиками — прежде всего потому, что логика событий сделала их союзниками анархистов в начавшейся Гражданской войне.

Анархисты в революции

“ Лучшее в анархизме может быть и должно быть привлечено...

Анархизм — порождение отчаяния... Между социализмом и анархизмом лежит целая пропасть.

В. И. Ленин, 1917

Анархическое движение в России зародилось в идеологии нигилизма 1850–1860-х годов. Идейным вождем нигилизма был Дмитрий Писарев, редактор журнала «Русское слово». Его дело продолжил Николай Соколов, встретившийся с Прудоном и ставший его последователем, убежденным противником государства и частной собственности. Его поддержал сотрудник «Русского слова» Варфоломей Зайцев, связанный с революционными кружками А. Худякова и Д. Ишутина. Н. К. Михайловский стал основателем народнического анархизма. В 1874 году в Цюрихе была издана книга М. А. Бакунина «Государственность и анархия», в которой отрицается всякое государство и провозглашаются принципы федерализма, автономной личности, организации общества «снизу вверх» и бунта как средства разрушения государства. Откровенный аморализм Сергея Нечаева оттолкнул большую часть участников кружков самообразования 1870-х годов, но они явно симпатизировали анархизму Бакунина. Преимущественно бакунинцами были и «чайковцы». Кропоткин стал их идеологом и остался им, когда в начале 1890-х годов анархическое движение в России возродилось.

Первая анархистская группа была создана среди ремесленных рабочих в польском Белостоке. В 1904 году сеть анархистских организаций охватила уже 15 городов и поселков, в следующем году — 42, еще через год — 73. Большая их часть следовала указаниям Кропоткина, поступавшим из-за границы, а он считал, что страна находится на пороге социальной революции, стержнем которой, по его мнению, должна была стать анархическая идея. Но, несмотря на широкое участие в ней многочисленных анархических групп, а также социалистических партий, революция 1905–1907 годов не сокрушила самодержавия, вынудив его лишь пойти на некоторые уступки. Участвовавшие в революции анархисты не смогли объединиться, расколовшись по вопросу о терроре. Большинство стояло за террор, но Кропоткин и его наиболее верные соратники были категорически против. У них вызывали решительное неприятие кровавые «подвиги» анархо-максималистов и «безмотивников», которые из протеста против власти убивали первых попавшихся людей. Немудрено, что после этого отношение большей части образованного русского общества к анархистам стало еще более враждебным.

После Февральской революции в России Кропоткин, считавшийся (и не без оснований) крайне левым, не примыкал ни к одной из политических партий, хотя его пытались к себе привлечь и правые, не забывшие, что он по происхождению аристократ, и левые, видевшие в нем старейшего революционера. Даже приверженцы его идей — анархисты — не могли понять позиции своего идейного лидера; некоторые из них называли его отступником и даже «предателем идеи анархии». В стране в то время действовало множество анархических групп различных направлений. Они присылали Кропоткину свои программы, листовки, газеты, книги, но он ни разу не высказал своего отношения ни к одной из этих организаций. Либо их деятельность казалась ему недостаточно серьезной, либо он не хотел выказывать своего предпочтения кому-то, чтобы не вызвать раздора, а скорее всего не хотел нарушать свой принцип — никогда никем не управлять. По-видимому, имели значение и давно возникшие разногласия с теми анархистами, которые продолжали отстаивать право на террор как оружие политической борьбы.

После возвращения на родину Кропоткин, конечно, интересовался деятельностью анархистских групп в стране. В 1917 году анархистские группы действовали в ста тридцати

городах и поселках, они издавали около сорока газет и журналов. В Петрограде существовало крупное издательство «Голос труда»; в Москве — «Почин»; в Харькове — «Вольное братство». Основной анархистской книжной продукцией были работы Кропоткина, главным образом публиковавшиеся прежде на Западе. С большинством его работ Россия познакомилась впервые. Только в 1917–1918 годах появилось более ста публикаций кропоткинских работ, преимущественно в отдельных изданиях. Автор заново пересмотрел переводы их на русский язык, некоторые снабдил предисловием или послесловием и примечаниями, стараясь связать свои давние идеи с современной действительностью, для которой многое из того, что он высказывал 20 и даже 30 лет назад, выглядело в высшей степени актуальным.

Анархистские группы в послереволюционной России отличались большим разнообразием. Большинство среди них составляли те, кто признавал необходимость террора в разных видах. Полностью террор отрицали анархисты синдикалистского направления, возникшего на Западе и распространившегося на Россию еще в пору революции 1905 года. Тогда Даниил Новомирский основал первую синдикалистскую группу «Новый мир», за которой последовало возникновение объединений рабочих по профессиональному признаку, а также потребительских кооперативов. Свободные ассоциации производителей пытался организовать известный деятель международного уровня Лев Черный (Турчанинов). По сути анархистскими были толстовские «коммуны». Свое направление в анархизме развивал крупный теоретик движения Алексей Боровой. Он не признавал ни классовой борьбы, ни какой бы то ни было «организованной общественности», имея дело только со свободной личностью. Мистический анархизм проповедовали в своем журнале «Факел» поэт Георгий Чулков и его последователи, среди которых особенно выделялся А. А. Солонович, рассматривавший мир как совокупность различных сознаний, существующих параллельно и влияющих друг на друга. Два полярных из них — этатистское, признающее необходимость иерархии власти, и анархическое.

Разнообразие в анархистском движении мешало централистским, государственным устремлениям большевиков. И вчерашние союзники в революции очень быстро превратились в едва ли не главных врагов. Первый удар был нанесен по анархистским группам Петрограда и Москвы. К тому времени в двадцати пяти столичных особняках расположились клубы Московской федерации анархических групп, охранявшиеся вооруженными отрядами. Соседство «безгосударственников» с учреждениями органов управления молодого Советского государства было нежелательно, и Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) приняла решение о разоружении московских анархистов. Эта достаточно сложная операция была проведена в ночь на 12 апреля. Анархисты оказали отчаянное сопротивление. Лишь к десяти часам утра прекратилась перестрелка; в результате ее было убито 30 анархистов, ранено 12 чекистов, около пятисот человек задержано.

Одновременно началось разоружение анархистов и в других городах — почти повсюду с боями. Но так называемых «идейных» анархистов пока не трогали. В мае 1918 года в Москве появился двадцатидевятилетний «независимый» анархист Нестор Махно, год назад вышедший из Бутырской тюрьмы, где он провел восемь лет за участие в террористическом акте. Махно задумал организовать на Украине восстание против немецкой оккупации, а на

освобожденных землях создать анархистскую коммуну, воплотив в ней идеи Кропоткина. Но Петра Алексеевича план практической реализации его теории не очень воодушевил. То ли он не верил в возможности этого смелого, но недостаточно образованного человека, то ли вообще сомневался в том, что остров анархистского общества может существовать внутри жесткой государственной системы. От Кропоткина Махно пошел в Кремль, где добился, что его приняли Ленин и Свердлов. Он получил благословение на организацию партизанской войны против германских оккупантов.

Вернувшись в родное село Гуляй-Поле, Махно сумел сколотить отряд из двадцати человек, который очень быстро превратился в многотысячную крестьянскую армию, развернувшую настоящую войну в тылу германских оккупационных сил. И на освобожденной территории, при помощи нескольких «идейных анархистов» (среди них был, например, Всеволод Волин-Эйхенбаум, бывший студент-юрист, родной брат известного литературоведа), Махно предпринял попытку организации «безвластной республики» на основе самоуправления. Из этого ничего не вышло, потому что практически все время приходилось воевать. Трижды махновские части вливались в состав Красной армии и, в частности, оказали ей немалую помощь при прорыве в Крым и разгроме войск генерала Врангеля. Но затем командование красных потребовало от Махно разоружиться; он отказался, желая сохранить свою армию, и после кровопролитных боев в августе 1921 года с остатками своего «войска» ушел в Румынию. Умер Нестор Махно в Париже в 1934 году, оставив после себя несколько книг воспоминаний. Народный полководец-самородок одним из первых был награжден орденом Красного Знамени. Но, когда он стал не нужен, его безжалостно выбросили, как любили говорить большевики, «на свалку истории».

В конце августа 1918 года провели свою конференцию в Москве анархисты-синдикалисты. Собрались 16 делегаций от десяти городов. В принятой декларации конференция выступила «за восстановление вольных советов рабочих и крестьянских депутатов», против института народных комиссаров и руководства партии большевиков, которую называли «партией застоя и реакции». Кропоткина приглашали на эту конференцию, но он не приехал, так же как ни на одну из последующих; он не был даже на Первом Всероссийском съезде анархистов-коммунистов, состоявшемся в конце 1918 года. Конечно, нездоровье было очевидной причиной, но в эмиграции он тоже не очень-то жаловал подобные «форумы». В митинговой обстановке решить на них обычно ничего не удавалось. Да и было ли какое-то решение в условиях, когда анархистская вольница все неизбежнее вступала в противоречие с железным централизмом большевистского государства?

В Дмитрове

“...Пусть только будет у нас несколько лет свободы...”

П. А. Кропоткин, 1918

В июле 1918 года Кропоткин уезжает в Дмитров, тихий старинный городок недалеко от Москвы (на таком же примерно расстоянии, как Брайтон от Лондона). Друг Льва Толстого

граф М. А. Олсуфьев (уездный предводитель дворянства) продал ему за символическую плату пустующий дом на бывшей Дворянской улице, переименованной в Советскую (теперь это Кропоткинская улица). Он поселился там с женой Софьей Григорьевной, получив «охранное» удостоверение, подписанное предсовнаркомом В. И. Ульяновым-Лениным. В нем говорилось: «Дано сие удостоверение... известнейшему русскому революционеру в том, что советские власти в тех местах... где будет проживать Петр Алексеевич Кропоткин, обязаны оказывать ему всяческое и всемерное содействие... Представителям Советской власти в этом городе необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более...»

От местных властей Кропоткин получил разрешение возделывать огород на двух сотках приусадебного участка; его снабжали дровами и сеном для коровы Бурки, доставшейся ему от Олсуфьева вместе с домом. В доме с застекленной террасой — маленькая темная передняя, уютная столовая, из которой дверь вела в кабинет. Больше всего места в нем занимал рояль, все остальное пространство заполнено книгами: полторы тысячи томов было в его библиотеке. Книги лежали и на рояле, и на подоконнике, и на столе, и на стульях...

А вокруг Дмитрова — типичный ледниковый ландшафт, морена древнего ледника — Клинско-Дмитровская гряда... Приехав в город, Кропоткин прежде всего заинтересовался краеведческим музеем, организованным местными кооператорами. «Третьего дня я осматривал зачаточный музей в нашем Дмитрове, — говорил он, выступая 30 августа на съезде учителей Дмитровского уезда, — и радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу наши три молодые сотрудницы музея: геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме сумели они представить собранный материал... и я порадовался за новое поколение... Пусть только будет у нас несколько лет свободы, и во множестве городов у нас вырастут такие же и еще лучшие музеи. Они будут неоценимым подспорьем для преподавания теории Земли и жизни...»

Кропоткин считал своим долгом оказать поддержку этому начинанию. Он участвовал в заседаниях сотрудников музея, в обсуждении таких тем, как «Болота Дмитровского уезда» или «Следы языческих верований». Под новый, 1919 год написал, а в январе прочитал на двух заседаниях небольшому коллективу сотрудников музея доклад «О ледниковых и озерном периодах» — последнюю свою географическую работу. Доклад продолжил его книгу «Исследования о ледниковом периоде». В нем повторены основные ее положения, но добавлены и обобщены новые факты, касающиеся пределов распространения бывшего оледенения и объясняющие причины колебания климата на Земле. Если раньше Петр Алексеевич считал, что ледники на Северную Европу наступали только один раз, а затем постепенно растаяли, то теперь он признал возможность существования в ледниковый период ряда холодных эпох. Они разделялись временными потеплениями, когда ледники сильно сокращались в размерах, а то и вовсе исчезали. К такому выводу пришла теперь и наука о ледниках — гляциология.

В докладе подробно рассматривалась проблема образования рек и цепочек озер, возникающих на месте растаявших ледников. Кропоткин доказывает, что долины всех больших рек Европы и Америки состоят из последовательно располагающихся расширений, соединенных узкими протоками. Он вводит понятие «озерного периода», завершающего

ледниковый.

Как всегда, он не сможет ограничить себя какой-то одной темой. В равной степени его волнуют вопросы перестройки народного образования, о необходимости которой он говорил на съезде дмитровских учителей: «Задача это громадная и трудная... но неотложная... Совершится эта перемена не в один день и не по указам свыше, а только посредством свободной работы десятков тысяч учителей и учительниц в свободной школе, где есть место личному творчеству». Но такая «свободная работа», как он убедился, оказалась невозможной в условиях нарастающего давления «указов свыше». Он предложил развивать в школах «дух общественности», используя всевозможные школьные общества, обмен коллекциями и учениками. И при этом нигде не говорится о каком-либо принуждении. Все основывается на личных потребностях и личной инициативе («почине», как он любил говорить).

Как и в далекой юности, Кропоткин выполнял в Дмитрове простейшие метеорологические измерения — просто так, для души. В «Записной книжке кооператора на 1919 год» им записаны ежедневные данные о температуре воздуха, облачности, направлении ветра, ходе таяния снежного покрова. Об этом возвращении к географии в последние годы жизни знаменитого анархиста написал в своей статье «К юбилею П. А. Кропоткина как ученого» в «Русских ведомостях» профессор Московского университета Д. Н. Анучин. В 1917 году Петру Алексеевичу исполнилось 75 лет. Анучин писал, что Кропоткин «не утратил интереса к наукам о Земле, его продолжают занимать те научные вопросы, над которыми он думал все свои юные годы». Это вообще была первая статья, рассматривавшая естественно-научный аспект деятельности Петра Алексеевича. Но вскоре появилась и вторая, в журнале «Природа». Ее автором был известный геолог Владимир Афанасьевич Обручев. Через 30 лет после Кропоткина он исследовал Олёкминско-Витимскую горную страну и назвал именем первопроходца горный хребет в районе Ленских золотых приисков. В. А. Обручев выразил сожаление, что талантливый естествоиспытатель отвлекся на политическую деятельность и наука потеряла в результате крупнейшего ученого. Эту точку зрения разделяли и разделяют многие. Может быть, это и так — если бы состоялась задуманная в 1871 году полярная экспедиция, Кропоткин не пришел бы к «чайковцам» и судьба его сложилась бы по-иному. Но тогда это был бы другой Кропоткин...

В феврале 1919 года в письме Александру Атабекяну в Ковров Петр Алексеевич писал о жизни в Дмитрове: «Мы живем понемногу. Здоровы. Воздух здесь чудный зимой. Небо подчас чисто итальянское. В безветренные морозные дни — просто восхитительные прогулки, особенно с тех пор, как ношу валенки, в которых нога не скользит. Каждый день выходим часа на полтора. День теплый. Работаю недурно — два с половиной часа утром и столько же после обеда. Больше не могу...» Два с половиной года прожил Кропоткин в Дмитрове. Мало кто из его жителей, занятых повседневными заботами, представлял себе, что приветливый белобородый старик, встречающийся им на улице и в музее Дмитровского края, — знаменитый во всем мире теоретик анархизма, сокрушитель государственных устоев.

Участвуя в местной общественной жизни Дмитрова, он выступает на уездных съездах кооператоров и учителей. В выступлении на «съезде учащихся» (так он официально

назывался) в сентябре 1920 года, как и в предыдущем, в августе 1918-го, значительное место отведено вообще образовательному значению музеев. Еще в письме сибирским кооператорам в июне 1918 года он вспоминал, как много ему, начинающему естествоиспытателю, дал небольшой музей при Сибирском отделе Русского географического общества: «Учиться геологии и физгеографии во всем Иркутске не было никаких руководств, и я нашел случайно попавшее в Сибирь... наставление по геологии и минералогии „Путешественникам пешком“, изданное английским географическим обществом, и в нем были поразительно умные наставления о геологической разведке гениального Дарвина».

Российские географы предпринимают попытки вовлечь его в научную жизнь. В апреле 1920 года Петр Алексеевич получает от профессора Московского университета М. С. Боднарского приглашение вступить в число преподавателей на кафедре географии, «предоставив право читать любой курс из географии, какой Вам будет угодно избрать». 26 апреля отправлен ответ: «К сожалению, должен сказать, что мое здоровье — особенно после пережитых двух зим — не позволяет регулярного труда, требуемого профессурой». Приглашение подтвердил академик Д. Н. Анучин, но и ему 25 мая был направлен отказ: «Конечно, с радостью, хотя бы один год прочел курс физической географии. Но, увы, ни годы, ни состояние здоровья не позволили бы этого!»

Из Петрограда приходит письмо директора только что организованного большого и уникального по своему содержанию Центрального географического музея В. П. Семенова-Тян-Шанского, сына «патриарха российской географии» Петра Петровича Семенова, под руководством которого Кропоткин работал в Географическом обществе полвека назад. Вениамин Петрович напомнил, что в раннем детстве, когда Петр Алексеевич был частым гостем в их семье, он много с ним общался. Теперь он сообщил, что музейный совет постановил присвоить Кропоткину звание почетного сотрудника музея. В ответ вместе с благодарностью из Дмитрова от старейшего члена Русского географического общества пришла поддержка «смелой мысли музея» и пожелание успеха: «Он будет приучать нас смотреть на Земной шар как на живое целое».

Примерно в то же время Петр Алексеевич получил письмо из Швеции, в котором содержалось приглашение от Шведской младосоциалистической партии переехать в их страну, а вместе с ним поступило обращение к правительству Советской России с просьбой не препятствовать его выезду с семьей за границу. Несмотря на то, что Кропоткину жилось тогда очень тяжело (кроме того, что не хватало продовольствия, работать над «Этикой» ему приходилось без необходимых книг, дров, электричества), его ответ был вполне определенным. Он решительно отказался покинуть Россию, несмотря на то, что за три года пребывания на родине существенно изменил свои взгляды на положение в стране. К середине 1920 года у него сложилось определенно отрицательное отношение к происходящему процессу формирования централизованного государства. Оно изложено им в письме-послании, переданном делегации английских лейбористов, посетившей его в Дмитрове в июне 1920 года.

В конце октября 1920 года в Дмитров приехал скульптор Илья Гинцбург по поручению директора Географического музея в Петрограде В. П. Семенова-Тян-Шанского. Вместе с

письмом об избрании Кропоткина почетным членом только что организованного музея он передал просьбу — вылепить для этого музея бюст Петра Алексеевича. Два дня он провел за работой; несколько лет назад он уже лепил Кропоткина. Сейчас они говорили о Географическом музее, о юношеских путешествиях в Сибири, о работе над проблемой древнего оледенения, о сотрудничестве в географических обществах Петербурга и Лондона.

— Да, это было лучшее время, — со вздохом закончил свой рассказ Кропоткин.

— О чем вы пишете теперь? — спросил Гинцбург. — Вероятно, события последнего времени дали вам огромный материал?

— О, нет, — отвечал Петр Алексеевич, — пишу об этике.

Работу в Дмитрове над рукописью второго тома «Этики» в невероятно трудных бытовых условиях тех лет — к ним надо добавить еще преклонный возраст и плохое здоровье — следует считать тем «саморасточением», о котором Кропоткин писал. До мая 1920 года с ним работала машинистка Дмитровского союза кооператоров, но, когда она уехала, ему пришлось перепечатывать рукопись самому. Он не мог работать в библиотеках и использовал лишь свои многочисленные выписки из книг, которых много накопил за долгую жизнь.

Неоконченная «Этика» Кропоткина — его «лебединая песнь». В ней — последние его мысли, последние обобщения... Это как бы дань родине, которую он покинул беглым узником более сорока лет назад и куда наконец вернулся. Это и его завещание.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 июля 2025 02:20:22

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 июля 2025 02:24:07